

Н

К 100-летию Маргариты КАНДАУРОВОЙ

есколько мгновений поистине прекрасных...

Большой театр. — 1995. — февраль. — (№6). — с. 18 — 22

М. Кандаурова,
"Конек-горбунок",
1913

“Она — как ранняя весна, нежна и чиста; при этом чувства ее закованы в этот нежный холод необычайной глубины; коснитесь ее чувств — и она совершит подвиг, она способна на все”, — так описывает Алексей Толстой героиню своей пьесы “День битвы” Маргариту Каменежскую. Но немногие знают, что сценическим образом ее явилась известная московская балерина Маргарита Павловна Кандаурова. Толстой посвятил ей не только пьесу “День битвы”, но и сборник рассказов, стихотворения. В одном из них — “На лавочке”, написанном летом 1914 года в Коктебеле, на даче Максимилиана Волошина, есть строчки, где словно предсказана жизненная и сценическая судьба артистки:

“Вам предстоит далекий путь земной
Любовный, горький и прелестный...”

Маргарита Кандаурова родилась в феврале 1895 года в Москве, в театральной семье. И девочке была предопределена судьба танцовщицы. Правда, в решении родителей отдать дочь в балетную школу определяющую роль сыграли ее природные данные. Тонкая, стройная фигурка юной Кандауровой, красивой формы ноги с большим подъемом были оценены членами приемной комиссии и решили дальнейшую судьбу девочки.

Она училась в Московском императорском театральном училище у М. Станиславской, А. Горского и В. Тихомирова. Обратимся к свидетелям ее артистической карьеры — прессе, балетной критике тех лет, воспоминаниям товарищей по сцене.

Свою первую рецензию Маргарита Кандаурова получила в двенадцать лет — обозреватель газеты “Русский артист” писал о спектакле “Баядерка” в Большом театре: “... Хорошо прошел танец “Ману” в исполнении г-жи Бадиной и юной воспитанницы Кандауровой. Я смею предрекать счастливое будущее этой маленькой танцовщице. Врожденная грация, выразительное личико и в достаточной мере выработанная твердость носка дают мне право на высказанное мнение”. Интересно отметить, что в тот же вечер в спектакле танцевали Екатерина Гельцер и Василий Тихомиров, а в концертном отделении были заняты знаменитые гости из Петербурга Матильда Кшесинская и Вацлав Нижинский.

Занятия в училище шли успешно, оста-

вался год до его окончания. Газета “Утро России”, рассказывая 25 марта 1911 года об экзамене в училище, сообщила: “Главное внимание, конечно, было обращено на класс воспитанниц, будущих балетных звезд и звездочек... Из воспитанниц предпоследнего класса выделялись г-жи Кандаурова и Жарикова...” Через год — весной 1912 года — та же газета отмечала: “Окончившие в этом году балетную школу ученицы г. Тихомирова г-жи Кандаурова и Жарикова, принятые в состав балетной труппы Большого театра, в предстоящем сезоне получают дебют в качестве солисток”.

С тех пор весь творческий путь Маргариты Кандауровой — почти тридцать лет — неразрывно связан с Большим. Дебютным спектаклем стала “Спящая красавица”. “Интерес вчерашнего спектакля “Спящая красавица”, — писала “Столичная молва” 10 сентября 1912 года, — сводился исключительно к исполнению и к дебютам двух молодых танцовщиц. Они выступили в классических вариациях фей в прологе. Одну из дебютанток, г-жу Кандаурову, мы уже имели случай отметить, когда она еще ученицей блестяще справилась с танцем с кувшином в “Баядерке”. Мы рады, что надежды наши находят подтверждение во вчерашнем дебюте. Г-жа Кандаурова несет в себе задатки несомненной классической танцовщицы: у нее прекрасно развит — очень красивый — носок, есть уже та четкость и уверенность в движениях, в которой лежит залог хорошего будущего, чисто и красиво выходят у нее attitudes и arabesques...”

Затем юная артистка выступила в роли Амура в балете “Дон Кихот”, и “Московская газета” сетовала, что “...Амур — г-жа Кандаурова заставляет жалеть, что обидно мало дано ей в этом балете. Она имеет такое богатство: красивое тело, сильные, но мягкие движения и выдающаяся музыкальность”.

За четыре года работы в Большом театре она прошла путь от кордебалетной танцовщицы до первой солистки.

Почти сразу же началась активная гастрольная деятельность балерины. Она танцевала в Петербурге, других городах. Известный балетный критик Аким Волинский, увидев Кандаурову в Красном селе, отмечал: “Нога чистейшего рисунка с большим

подъемом, нежнее даже, чем у Спесивцевой, вытягивалась на медленных темпах необыкновенно пластично, glissade на пальцах выходили у нее чудесно... Пастушка легкая, как воздух...”

Один из балетоманов, граф, написал целую книгу стихов, посвященных молоденьким балеринам, танцевавшим летом 1913 г. в Красносельском театре. Там есть строки о ней.

В это же время произошло знакомство юной Кандауровой с графом Алексеем Толстым (1883-1945). Из воспоминаний Натальи Крандиевской: “Весной 1914 года мы поехали в Коктебель к Волошину. У Максимилиана Александровича всегда бывали какие-то новые гости. На этот раз ими были Майя, как звали ее дачники Волошина, молодая поэтесса и переводчица, в будущем жена Романа Роллана, Мария Павловна, и племянница Константина Кандаурова (в то время — зав. осветительским отделом Малого театра), молодая балерина Маргарита.

... В одном из писем он (Алексей Толстой) сообщал мне о своем новом чувстве, о внезапно вспыхнувшей любви к Маргарите Кандауровой.

...В 1915 году у Алексея Николаевича были новые тяжелые переживания. Маргарита Кандаурова — предмет его страстного увлечения — отказалась выйти за него замуж. Я считала, что для Алексея Николаевича, несмотря на его страдания, это было объективно удачей: молодая балерина, талантливая и возвышенная натура все же не могла стать для него надежным другом и помощником в жизни и труде...”

Но это кратковременное знакомство и увлечение писателя вызвало к жизни талантливые литературные произведения.

М. Кандаурова вошла в мир искусства — дружила с писателями, художниками, музыкантами, драматическими артистами. Максимилиан Волошин посвящал ей стихи, известный скульптор Б.Фредман-Клозель вылепил ее статуэтку и знаменитую стопу балерины.

Репертуар танцовщицы в Большом театре расширялся. “Для открытия балетного сезона шла “Копелия”, — информировал читателей “Московский листок” 6 сентября 1916 года. — Выдающийся успех выпал на долю молодой даровитой артистки г-жи Кандауровой, исполнившей трудный клас-

Фея канареек

Одетта, "Лебединое озеро", 1913

сический танец в 3-м акте — "Молитва" и обнаружившей в нем легкость и твердость носков, пуанты из чистой стали".

"Танец Голубой птицы и принцессы Флорины (г.Новиков и г-жа Кандаурова) вызвал бурю восторгов и доставил истым любителям балета большое удовольствие. Античная красота пластических движений г-жи Кандауровой, ее грация и общий поэтический тон ее танцев гармонировал с изяществом манер г. Новикова" ("Московский листок", 1 ноября 1916 года).

В декабре того же года состоялся дебют Маргариты Кандауровой в партии Царь-Девушки в балете Ц. Пуни "Конек-Горбун". На спектакле присутствовала вся театральная Москва. Вот как оценивал выступление балерины обозреватель "Московского листка": "14 декабря в балете "Конек-Горбун" в партии Царь-Девушки в первый раз выступила молодая артистка М.П. Кандаурова... По фигуре своей и облику она вполне подходит к этой роли; что же касается танцев, то экзамен она выдержала блестяще. Изумительная ее легкость, грация, женственность и мягкость манеры исполнения, все движения естественны. Дебют был настоящим ее триумфом, ее танцы вызвали дружные аплодисменты, была масса цветочных подношений и ценных подарков".

После этого дебюта она становится ведущей балериной московской труппы. Партия Одетты и Одилии стала второй балеринской партией артистки. Совсем молодая Кандаурова заменила с трех репетиций внезапно заболевшую Екатерину Гельцер. И современная критика откликнулась на ее дебют: "... Легкость движения, нездешняя красота полетности. Какой юной чистотой овеяны все позы. Весенний колеблющийся Лебедь. Радостно танцует она свои прекрасные вариации, сменяя одно живописное движение другим, смелым и красивым..." ("Кулисы", 22 января 1917 года).

Официальный же дебют состоялся через два года, в 1919-м, на который незамедлительно откликнулся рецензент "Вестника театра" Максимилиан Шик, оставивший нам поэтичные строки, передающие атмосферу того спектакля: "Когда она появилась во втором акте, то казалось, что лунный свет упал на землю и воплотился в образ нежной королевы Лебедей — так легки,

так прозрачно-воздушны были все ее движения, па и туры... Эта "Лебединая песнь", быть может, самое прекрасное из всего, что создала Кандаурова, ибо здесь артистка дала почувствовать все ледящее отчаяние скорби..."

Одной из лучших в репертуаре балерины стала партия феи Сирени в "Спящей красавице". "Созданный ею сценический образ получился живой, яркий, естественный и вместе с тем изящный, нежный и мягкий, — отмечал "Московский листок" 5 сентября 1917 года. — В игре артистки много нюансов, много художественных жемчужин..."

Из воспоминаний дирижера Юрия Файера: "Она не играла роль; она выражала в танце мир своих эмоций, а так как в натуре ее были лиричность, мягкость и какая-то просветленность, то это естественным образом передавалось зрителю."

В Маргарите Павловне Кандауровой привлекала и большая музыкальность. Дирижируя спектаклями с ее участием, я испытывал всегда особое чувство свободы, так как было попросту невозможно, чтобы темп Кандауровой приходилось "ловить", чтоб она хоть на миг не почувствовала оркестр".

Маргарита Кандаурова перетанцевала почти все балеты, шедшие на сцене Большого театра. В ее репертуаре были Раймонда, Аврора, Никия, Тао Хоа, Балерина в "Петрушке", Сванильда и другие.

Будучи ведущей балериной, Кандаурова нередко выступала и в сольных партиях, таких, как, например, Ману в "Баядерке", Повелительница дриад в "Дон Кихоте", и каждая, даже самая небольшая вариация, превращалась в ее исполнении в маленький шедевр.

Один из ее партнеров, Асаф Мессерер, писал: "В танце ее не было никакого напряжения — он был легким, каким-то даже прозрачным и казался естественной формой ее существования на сцене."

Танцевать с Маргаритой Павловной было очень удобно, и не только потому, что она была очень легка: она обладала прекрасным чувством партнера, с 2-3 репетиций могла исполнить балет с артистом, с которым прежде не выступала, и все кавалеры очень любили с ней танцевать".

Балетная критика не скупилась на по-

Вальс-каприз, 1917, М.Кандаурова, М.Мордкин

хвалы танцовщице. Максимилиан Шик: “В самом появлении Кандауровой чувствуется сказка. Этой танцовщице чужда земная стихия, в ней все из мира сновидений. Как воплотившаяся мечта, скользила она перед нами, являя совершенство грезы — в идеальных контурах своего тела, в шарообразном обаянии, облакающем все ее движения”.

Аким Волынский, вновь увидев балерину в Петрограде, отмечал:

“В музыкальной драме выступили два гастролера из Москвы: Жуков и Кандаурова. Было несколько мгновений поистине прекрасных. М.П. Кандаурова — артистка выдающаяся по таланту и по богатству внешних данных. Некоторые ее позы изумительно пластичны по рисунку. Античная скульптура из паросского мрамора эллинистического периода, с нежными праксителевскими отголосками. Вся — прелесть! Шаг большой и свободный, особенно привлекательный в линиях боковых, с игрою плеч и кокетливой экспрессией лица, обрамленного вьющимися волосами...

Воздушные батманы на руках у кавале-

ра, с овалом трепетного подъема, при изысканно красивом и мягко распускающемся рисунке ноги, производили впечатление поэмы высокого достоинства. Они вызывали каждый раз гром аплодисментов”.

Маргарита Кандаурова своим искусством, своим танцем воплощала идеи романтического балета. Вот еще одно подтверждение этому. Однажды в марте 1921 года после спектакля “Конек-Горбунок” она получила необычный подарок — веер, к нему была приложена записка. Привожу ее почти дословно: “Рита, в память сегодняшнего дня... подношу тебе этот веер, эти кружева из слоновой кости, которые по чистоте и тонкости линий лишь отдаленно напоминают те кружева, которые создаешь ты своим танцем... Твори! Светлое будущее ждет тебя! Самый верный и неизменный твой друг Г.Штекер. Постскриптум. По словам моего деда, веер этот некогда принадлежал прабабке моей, небезызвестной парижской артистке де Варлей, которая получила его в подарок от самой близкой своей подруги — незабвенной Марии Тальони. Бережно

храня до самой своей смерти, завещала она этот веер моей бабке как самое ценное сокровище свое. Теперь только в твоих руках ему место, только ты напоминаешь милый воздушный образ первой хозяйки его”.

Ныне веер Марии Тальони, как и стопа Маргариты Кандауровой, ее фотографии, автографы хранятся в Музее Большого театра. Автору этих строк выпало счастье не только знакомства, но и дружбы с прекрасной балериной, интересным собеседником; обаятельным человеком, покорявшим своим лирическим очарованием.

Как-то Маргарита Павловна спросила меня, что бы я хотел получить на память. Я смутился, но она, вероятно, уже решила сама. Она взяла со столика сборник стихотворений Волошина, на титуле которого была надпись: “Маргарите Кандауровой. Максимилиан Волошин. Коктебель, июля 8-го 1914” и чуть ниже написала: “Валерию Зарубину — Маргарита Кандаурова. 17.X.81 г.”

В.ЗАРУБИН

Дача М.Волошина, Коктебель. М.Кандаурова (стоит); К.Кандауров, Н.Форежер (второй ряд); А.Толстой (в центре); художник М.Богоевский (сидит)